Дин
Кунц
Погоня

Дин Рэй Кунц
Чейз (Погоня)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120580
Оригинал: DeanKoontz, “Chase”

Аннотация

Бенжамин Чейз, герой вьетнамской войны, человек с надломленной психикой, случайно становится свидетелем убийства. Убийца, которому удалось скрыться, угрожает Чейзу по телефону. Маньяк называет себя `Судьей`. Он выносит Бену смертный приговор. Чейз пытается обратиться в полицию, но ему не верят, считая, что это плод фантазии психически неуравновешенного человека...

Содержание

Предисловие 4
Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Дин КунцЧейз (Погоня)

Бобу Хоскинсу

Предисловие

"Чейз" – мой первый остросюжетный роман, написанный, когда мне исполнилось двадцать пять, и опубликованный год спустя. Как и роман "Помеченный смертью", "Чейз" был впервые опубликован издательством "Рэндом-Хаус" под псевдонимом К. Р. Дуайер, от которого я позднее отказался. Я счастлив, что теперь наконец на титуле стоит мое подлинное имя. Эти два романа многократно переводились, публиковались и перепечатывались, и я всегда жалел, что скрылся за псевдонимом Дуайер. Теперь эта оплошность исправлена.

Хотя "Чейз" и "Помеченный смертью" – самостоятельные произведения и в них нет общих героев или сюжетных линий, они объединены тематически и могут быть представлены как двухтомное исследование общественной и психологической ситуации, сложившейся в США в начале 70-х годов. В то время страну потрясали антивоенные протесты и акции гражданского неповиновения (порою совсем не мирного характера), накаляя атмосферу до всеобщего психоза. Бенжамин Чейз ("Чейз") и Алекс Дойл ("Помеченный смертью") учатся недоверию к власти; они оба приходят к пониманию, что политики – левого ли, правого ли толка – не в состоянии решить их личных проблем. И тот и другой герой находят выход в убежденности, что самая большая добродетель – это полагаться только на самого себя.

"Чейз" – в первую очередь триллер. Как я, так и без сожаления похороненный мною мистер Дуайер, надеемся, что вы найдете его захватывающим.

Дин Кунц

Оранж, Калифорния

Глава 1

В семь часов Бену Чейзу, сидевшему на подиуме в качестве почетного гостя, был подан невкусный парадный обед, во время которого разные высокопоставленные персоны обращались к нему с обеих сторон, то и дело нависая над его салатом и вазочкой с недоеденными фруктами. В восемь часов поднялся мэр, чтобы произнести нудный панегирик в честь их выдающегося горожанина, героя вьетнамской войны, и по завершении получасовой речи преподнес Чейзу красочно оформленный свиток, с подробным перечнем его героических свершений и провозглашением гордостью города. Вслед за этим Чейзу преподнесли ключи от нового "мустанга" с откидным верхом – совсем неожиданный для него дар Ассоциации торговцев.

В половине десятого Чейза торжественно препроводили из ресторана "Железный чайник" к стоянке, где его ждал новый автомобиль – сверкающий черным лаком, красиво оттененным алыми гоночными полосами на багажнике и капоте и красными маркировочными линиями по обеим сторонам. Это была машина с восьмицилиндровым двигателем и с полной экипировкой, которую полагается иметь спортивной модели, включая автоматическую коробку передач, глубокие, точно ковши, сиденья, боковые зеркала и белые шины. В десять минут одиннадцатого, сфотографировавшись для газет с мэром и представителями Ассоциации торговцев и выразив благодарность всем присутствующим, Чейз укатил в дареном автомобиле.

В двадцать минут одиннадцатого он промчался по улицам пригорода под названием Эшсайд со скоростью, чуть больше ста миль в час при дозволенных сорока, пересек трехрядный бульвар Галасио на красный свет, четырьмя кварталами дальше заложил на повороте такой крутой вираж, что на миг потерял управление и сшиб дорожный знак. В десять тридцать он несся по длинной, круто уходящей вверх Канакауэй-Ридж, соображая, сможет ли выжать из своего "мустанга" больше ста миль до самого конца подъема. Игра становилась опасной: он мог запросто разбиться, но ему было наплевать. Однако то ли на двигателе стоял ограничитель, то ли машина не была предназначена для таких выкрутасов, но получилось не так, как ему хотелось. Хотя он до предела выжимал акселератор, стрелка спидометра упрямо замерла на восьмидесяти и сползла до семидесяти, когда он одолевал подъем. Сняв ногу с педали газа, Чейз расслабился и позволил машине скользить по ровной двухрядной дороге, которая взбиралась на вершину хребта, главенствующего над городом.

Справа от дороги резко уходила вверх отвесная скальная стена, а слева на пятьдесят ярдов, до самого ограждения у края обрыва, простиралась травянистая обочина, поросшая кустарником. Внизу открывалась феерическая панорама – мириады огней, точно на электрифицированной карте. Они вычерчивали пунктир улиц, то прямых, то извилистых, стекались в сияющие озерца у центра и возле ворот Торгового района. Влюбленные, в основном подростки – как могли не дрогнуть их сердца от захватывающего дух зрелища, – парковались здесь вечерней порой, отделенные друг от друга рядами сосенок и купами терновника. Восхищение городом пробуждало нежные чувства и по несколько раз за ночь бросало их в объятия друг друга.

В свое время Чейз тоже испытал это.

Он подогнал машину к обочине, затормозил и выключил двигатель. На мгновение тишина ночи показалась непроницаемой, глубокой, звенящей. Потом он различил треск сверчков, уханье совы где-то поблизости, голоса и смех молодых людей, приглушенные стеклами автомобилей.

Этот смех заставил Чейза задуматься. А зачем он, собственно, сюда приехал? Да просто ему стало тошно от мэра, Ассоциации торговцев и всего остального. Ему вовсе не хоте-

лось этого банкета, и пошел он только потому, что не подыскал подходящей причины, чтобы вежливо отмотаться.

Столкнувшись же с доморощенным патриотизмом городских властей, с их слащавыми представлениями о войне, он почувствовал, будто невидимый груз придавил его к земле. Может быть, особо тягостные чувства он испытывал из-за того, что еще не так давно сам был точно таким? Во всяком случае, с облегчением избавившись от их общества, он направился именно сюда, в ту часть города, которая, на его взгляд, олицетворяла радость и покой, – в долину влюбленных над Канакауэем, вызывающую у горожан столько шуток. Но никакого покоя он здесь не нашел. Тишина только будоражила воспоминания, позволяла вновь нахлынуть гнетущим мыслям, которые он старательно подавлял. А радость? И радости никакой не было, потому что он приехал без девушки, – да и пригласи он девушку, вряд ли бы ему стало веселее.

В затененном парке среди кустов притулилось полдюжины автомобилей; лунный свет поблескивал на бамперах и стеклах. Если бы он не знал, зачем сюда приехали молодые люди, подумал бы, что все машины пусты. Но он отлично это знал; к тому же слегка запотевшие изнутри стекла выдавали присутствие парочек. То и дело в какой-нибудь из машин скользила тень, увеличенная и искаженная затуманенным стеклом. И больше никакого движения вокруг, только эти бестелесные тени, да время от времени шорох листьев под порывами ветра, налетающего с вершины холма.

Возможно, из-за статичности сцены, на которую он равнодушно взирал, его глаза сразу же подметили нечто движущееся. Какая-то тень метнулась с обломка скалы слева и украдкой стала пробираться к островку тьмы, сгустившейся под большой плакучей ивой в нескольких сотнях футов от машины Чейза. Это явно был человек, он двигался с дикой грацией настороженного животного, согнувшись в три погибели.

Во Вьетнаме у Чейза развилось нечто вроде шестого чувства, необъяснимое ощущение близости опасности. Сейчас он испытывал как раз такую тревогу.

Что делает одинокий пеший мужчина в аллее влюбленных? Автомобиль для здешних завсегдатаев был постелью на колесах, этаким неотъемлемым атрибутом ритуала соблазнения, и ни один современный Казанова без нее не возымел бы успеха.

Конечно, вполне возможно, что этот человек пришел поразвлечься: попугать парочки в свое удовольствие. Чейз в юности не раз оказывался жертвой подобной игры и хорошо о ней помнил. Однако такие забавы обычно были уделом молокососов или же слишком некрасивых ребят – тех, кто не имел шанса оказаться внутри машины, где вершились настоящие дела. Взрослых, насколько знал Чейз, такая чепуха не интересовала. А этот мужчина, футов шести ростом, явно был взрослым, в его фигуре не чувствовалось юношеской угловатости. К тому же подглядывать обычно ходили компанией, чтобы какой-нибудь из застигнутых врасплох любовников не набил, чего доброго, любопытному морду. Нет, здесь крылось что-то другое. Чейз был уверен.

Мужчина выступил из укрытия под ивой, пригнувшись, добежал до терновых зарослей, остановился и стал рассматривать трехлетний “шевроле”, припаркованный у самых оградительных перил.

Не совсем понимая, что происходит и как ему следует поступить, Чейз перегнулся через сиденье, снял плафон со светильника на потолке и, вывернув крошечную лампочку, спрятал ее в карман. Когда он снова повернулся вперед, то увидел, что мужчина стоит на прежнем месте и смотрит на “шевроле”, облокотясь на терновник, будто на нем вовсе и нет колючек.

В ночном воздухе послышался звонкий девичий смех. Видно, кому-то из любовников стало жарко в машине с закрытыми окнами.

Мужчина, затаившийся возле терновника, снова двинулся по направлению к “шевроле”.

Стараясь не шуметь – ведь тот человек был не более чем в ста пятидесяти футах от него, – Чейз открыл дверцу и вышел из “мустанга”. Дверцу он оставил открытой, будучи уверен, что, если закроет ее, стук спугнет незнакомца. Он потихоньку обошел вокруг машины и двинулся вперед по траве, недавно подстриженной и слегка влажной, а потому скользкой.

В “шевроле” зажегся свет, показавшийся тусклым из-за запотевших окон. Кто-то вскрикнул, потом послышался вопль девушки. Пауза – и снова вопль.

Чейз сначала шел не спеша, теперь же припустился со всех ног: он явственно слышал звуки борьбы. Почти подбежав к “шевроле”, он увидел, что дверца со стороны водителя распахнута, а незнакомец наполовину протиснулся в салон и молотит кого-то что есть силы. Тени метались из стороны в сторону, вниз и вверх на фоне запотевшего стекла.

– Стой! – крикнул Чейз.

Мужчина отпрянул, и Чейз увидел у него нож. Тот держал его в правой руке, как будто собирался во что-то вонзить. Рука и оружие были залиты кровью.

Чейз одним прыжком преодолел разделявшие их несколько футов и прижал человека к машине. Затем, обхватив его за шею согнутой в локте рукой, резко запрокинул ему голову назад и отбросил противника на траву.

Девушка в “шевроле” продолжала кричать.

Незнакомец вырывался и размахивал рукой, пытаясь ткнуть Чейза в бедро острием ножа. Чейз сразу понял: перед ним явно не профессионал. Он чуть изогнулся, уворачиваясь, и еще крепче сжал мужчине горло.

Вокруг стали заводиться машины. Заподозрив, что в аллее влюбленных случилась история не из приятных, подростки поспешили убраться от греха. Никто не желал выяснять, что происходит.

– Брось нож, – потребовал Чейз.

Незнакомец хотя и задыхался, но все-таки наугад ткнул ножом – и в очередной раз промахнулся.

Чейза захлестнула ярость. Он так тряхнул человека, что приподнял его над землей и придушил бы, но подвела мокрая трава. Чейз поскользнулся, потерял равновесие и упал, увлекая за собой противника; на этот раз нож угодил-таки Чейзу в бедро и тут же вылетел из руки нападавшего. Чейз инстинктивно отшатнулся и отшвырнул его в сторону.

Человек перекатился на траве и вскочил на ноги. Он сделал несколько шагов в сторону Чейза в поисках ножа, но, похоже, внезапно понял, что с этим противником шутки плохи, и кинулся наутек.

– Остановите его! – крикнул Чейз.

Однако почти все ближайшие машины уехали. А водители тех, что еще стояли у скалы, отреагировали на его возглас так же, как их более робкие приятели на первые крики: в машинах загорелся свет, затем взревели моторы, завизжали шины, выезжая на тротуар. Через минуту в аллее влюбленных остались только “шевроле” и “мустанг” Чейза.

Нога сильно болела, но на сей раз он отделался легко. Неоднократно ему доставалось и покруче. При свете, падавшем из салона “шевроле”, он видел, что кровь идет медленно, это, слава Богу, не ритмичный фонтан, бьющий из поврежденной артерии. Он поднялся и даже сумел идти.

Чейз проковылял к машине, заглянул внутрь и тут же пожалел об этом. Распростертое тело молодого человека лет девятнадцати или двадцати наполовину сползло с сиденья на пол. Судя по обилию крови, которая текла из не менее чем двух десятков ножевых ран и залила его с ног до головы, он наверняка мертв. На соседнем сиденье жалась спиной к дверце маленькая брюнетка, года на два моложе своего парня, и тихонько подвывала; ее руки

с таким напряжением стискивали колени, что напоминали звериные лапы, вцепившиеся в добычу. На ней была только розовая мини-юбка – ни блузки, ни лифчика. Маленькие груди испачканы кровью, соски затвердели.

Странно, подумал Чейз, что, несмотря на весь ужас представившейся ему картины, в глаза бросилась эта подробность.

– Оставайся на месте, – сказал Чейз. – Я приду за тобой.

Она не ответила, продолжая подвывать.

Чейз собрался было захлопнуть дверцу со стороны водителя, но сообразил, что оставит брюнетку без света наедине с трупом. Он обошел машину, опираясь на капот, чтобы щадить раненую ногу, и открыл дверцу с ее стороны. Вероятно, эти ребята считали, что замки для дураков. Это, думал он, порождение оптимизма, психологии, свойственной их поколению, всех их теорий свободной любви, взаимного доверия и всеобщего братства. Они стремились жить такой полной жизнью, что чуть ли не отрицали существование смерти. Однако выражение лица брюнетки красноречиво говорило, что она вряд ли попытается впредь что-либо отрицать.

– Где твоя блузка? – спросил Чейз. Девушка уже не смотрела на труп, но и на него тоже не смотрела. Она тупо уставилась на побелевшие суставы своих рук, вцепившихся в колени, и что-то бормотала.

Чейз пошарил на полу у нее под ногами и нашел скомканную блузку.

– Надень-ка, – сказал он. Она не взяла блузку, по-прежнему продолжая бормотать.

– Ну, послушай... – начал Чейз как можно мягче. Он прекрасно понимал, что убийца мог быть поблизости.

Она, казалось, пытается что-то сказать, хотя голос звучал еще тише, чем прежде. Нагнувшись, чтобы расслышать, он понял, что она повторяет:

– Не трогайте меня. Пожалуйста.

– Я и не собираюсь трогать тебя, – сказал Чейз, выпрямляясь. – Это не я убил твоего парня. Но тот, кто это сделал, наверное, где-то неподалеку. Моя машина стоит на дороге. Пойдем со мной.

Девушка подняла на него глаза, замигала, потрясла головой и выбралась из машины. Протянутую им блузку она расправила и встряхнула, но, похоже, не могла надеть – не оправилась еще от шока.

– Наденешь в моей машине, – решил Чейз. – Там безопаснее.

Тени под деревьями спустились и казались зловещими. Он обнял ее за плечи и чуть ли не поволок к “мустангу”. Дверца со стороны пассажира была заперта. Пока он вел ее к другой дверце, вталкивал в машину и лез следом, она вроде бы слегка оправилась, просунула в рукав одну руку, потом другую и медленно застегнула блузку. Бюстгальтера она, очевидно, не носила. Когда он закрыл и запер дверцу, а затем завел мотор, она спросила:

– Вы кто?

– Прохожий, – ответил он. – Я случайно увидел этого типа, он показался мне подозрительным.

– Он убил Майка,. – произнесла она.

– Это твой парень?

Девушка не ответила и откинулась на спинку сиденья, кусая губы и рассеянно стирая с лица пятна крови.

Чейз развернул машину и промчался по Канакауэй-Ридж-роуд с той же скоростью, с какой приехал, заложив внизу такой крутой вираж, что его попутчица сильно ударилась о дверь.

– Пристегни ремни, – велел он.

Она механически сделала так, как он сказал, но, похоже, оставалась все в том же оцепенении, устремив невидящий взгляд сквозь лобовое стекло на улицы, расстилавшиеся впереди.

– Кто это был? – спросил Чейз, когда они подъехали к перекрестку на бульваре Галасио и остановились у светофора.

– Майк, – сказала она.

– Да не твой парень. Тот, другой.

– Не знаю, – ответила девушка.

– Ты видела его лицо? Она кивнула.

– И не узнала?

– Нет.

– Я, честно говоря, подумал, что это твой бывший любовник или, скажем, отвергнутый ухажер, ну, ты понимаешь...

Девушка промолчала.

Она явно не желала говорить, и Чейз, оставив свои бесполезные попытки завязать разговор, задумался. Вспоминая, как убийца пробирался по парку, он размышлял, нужна ли тому была какая-то определенная машина или ему подошла бы первая попавшаяся; что это, акт мести, направленный лично против Майка, или поступок сумасшедшего? В былые времена, еще до того, как Чейза отправили за океан, газеты пестрели историями о бессмысленных убийствах. После демобилизации он газет не читал, но подозревал, что ничего не изменилось. Ему стало не по себе: слишком уж все происшедшее сегодня походило на его участие в операции “Жюль Берн” во Вьетнаме. В душе зашевелились прежние дурные воспоминания.

Спустя пятнадцать минут после того, как они тронулись с вершины хребта, Чейз остановил машину у полицейского участка на Кенстингтон-авеню.

– Ты сможешь говорить с ними? – спросил он.

– С полицейскими?

– Да.

Девушка пожала плечами:

– Думаю, да. – Она оправилась на удивление быстро. Теперь ее даже хватило на то, чтобы попросить у Чейза карманную расческу и несколько раз провести ею по своим темным волосам. – Как я выгляжу?

– Прекрасно, – ответил он, думая, что лучше вообще обойтись без подруги, чем иметь такую, которая в случае чего горевала бы так недолго. – Пошли.

Она открыла дверцу и вышла; ее стройные аккуратные ножки замелькали под короткой юбкой.

* * *

Дверь маленькой серой комнаты открылась, и вошел тоже маленький и столь же серый человечек. Лицо его избороздили морщины, глаза ввалились, как будто он не спал сутки, а то и двое. Растрепанный. Светло-каштановые волосы давно нуждались в стрижке. Он подошел к столу, возле которого сидели Чейз с девушкой, уселся на единственный свободный стул, вжавшись в него так, словно никогда больше не собирался вставать, и представился:

– Я – детектив Уоллес.

– Рад познакомиться, – сказал Чейз, хотя на самом деле особой радости не испытывал. Девушка молча рассматривала свои ногти.

– Ну, так что же случилось? – спросил Уоллес, сложив руки на исцарапанном столе и глядя по очереди на каждого из них, совсем как священник или советник.

– Я уже все рассказал дежурному сержанту, – заявил Чейз.

– Он не занимается убийствами. Их расследую я, – заметил Уоллес. – Так кого убили и как? Чейз стал объяснять:

– Ее дружка, ножом.

– Она не может говорить?

– Почему же, могу, – сказала девушка.

– Как вас зовут?

– Луиза.

– А фамилия?

– Элленби. Луиза Элленби. Уоллес спросил:

– Вы живете в городе?

– В Эшсайде.

– Сколько вам лет?

Она резко вскинула на него глаза – вот-вот вспылит, потом снова перевела взгляд на свои ногти.

– Семнадцать.

– Школьница?

– В июне окончила школу, – сказала она. – Осенью собираюсь поступать в колледж, в Пени-Стейт.

Уоллес спросил:

– Как звали парня?

– Майкл, Майкл Карнс.

– Просто дружок, или вы были помолвлены?

– Дружок, – сказала она. – Мы ходили вместе около года, вроде бы постоянно.

– Что вы делали на Канакауэй-Ридж-роуд? – поинтересовался Уоллес.

Она посмотрела на него, на этот раз спокойно:

– А как по-вашему?

– Слушайте, – вмешался Чейз, – неужели это необходимо? Девушка ни при чем. Наверное, человек с ножом следующей ударил бы ее, не вмешайся я вовремя.

Уоллес повернулся к Чейзу и спросил:

– А как вы, собственно говоря, там очутились?

– Просто катался, – ответил Чейз. Уоллес испытующе смотрел на него несколько секунд, потом спросил:

– Ваша фамилия?

– Бенжамин Чейз.

– То-то мне показалось, что я видел вас раньше. – Тон детектива сразу смягчился. – Ваша фотография была сегодня в газетах.

Чейз кивнул.

– Вы там действительно много сделали, – сказал Уоллес. – Для этого требовалось мужество.

– Гораздо меньше, чем раздувают газетчики, – сказал Чейз.

– Ну конечно! – согласился Уоллес, хотя было совершенно ясно, что он думает, будто на самом деле сделано гораздо больше.

Он повернулся к девушке, которая теперь с интересом искоса разглядывала Чейза. Тон сыщика по отношению к девушке тоже изменился.

– Вы не хотите рассказать мне, что же все-таки случилось?

Она принялась рассказывать, время от времени теряя самообладание. Два раза Чейзу казалось, что она вот-вот заплачет, и ему, признаться, даже хотелось этого. От ее спокойствия – ведь с момента трагедии прошло так мало времени, – ему было не по себе. Возможно, она

по-прежнему пытается отрицать существование смерти. Луиза сдержала слезы и, закончив рассказ, полностью овладела собой.

– Вы видели его лицо? – спросил Уоллес.

– Да.

– Можете его описать?

– Вообще-то нет, – сказала она. – У него, по-моему, карие глаза.

– Усов, бороды нет?

– Вроде нет.

– Волосы на висках длинные или короткие?

– Кажется, короткие.

– Шрамы?

– Нет.

– А что-нибудь из его внешности запомнилось? Овал лица, лысина, какая-нибудь особая примета?

– Не помню, – вздохнула она.

– Я нашел ее в шоковом состоянии, – вставил Чейз. – Вряд ли она что-нибудь могла разглядеть и запомнить.

Вместо того чтобы с благодарностью подтвердить это, Луиза бросила на него сердитый взгляд.

Он с опозданием вспомнил, что для девушки ее возраста самым позорным считается потерять самообладание, не справиться с ситуацией. Он ведь выдал ее минутную слабость не кому-нибудь, а полицейскому. Теперь не жди от нее благодарности, пусть даже ты спас ей жизнь. Уоллес поднялся.

– Пойдемте, – сказал он.

– Куда? – поинтересовался Чейз.

– Поедем туда с экспертами.

– Это необходимо?

– Да, мне надо получить от вас обоих более подробные показания. На месте преступления, мистер Чейз, вам легче будет вспомнить какие-нибудь детали. – Он улыбнулся, как будто вспомнив, кто такой Чейз, и сказал:

– Это займет немного времени. Вот девушку придется задержать дольше, чем вас.

* * *

Чейз дожидался, когда сможет наконец уехать, расположившись на заднем сиденье полицейского фургона, припаркованного в тридцати футах от места убийства, когда появилась машина с газетчиками. Из нее вышли репортер и два фотографа. Только сейчас до Чейза дошло, во что они превратят эту историю. Какого сделают из него героя. Еще раз.

– Простите, – сказал он Уоллесу, – а нельзя ли не информировать газетчиков о том, кто помог девушке?

– Почему?

– Признаться, я устал от репортеров, – сказал Чейз.

– Но вы спасли ей жизнь.

– Я не хочу с ними разговаривать, – настаивал он.

– Ваше дело, – ответил Уоллес. – Но, боюсь, они непременно захотят узнать, кто помешал убийце. Это будет указано в отчете, а отчет доступен для прессы.

Позже, когда он закончил с Уоллесом все дела и выходил из машины, чтобы присоединиться к офицеру, который должен был отвезти его обратно в город, девушка тронула его за плечо.

– Спасибо, – сказала она.

В тот же миг фотограф сделал снимок: вспышка, казалось, длилась вечно.

Сидевший за рулем машины, подвозивший Чейза в город, офицер в форме, представившийся Доном Джоунзом, оказался весьма словоохотлив. Он читал о Чейзе в газете и хотел бы получить автограф для своих детей. Чейз расписался на обороте полицейского бланка для отчета об убийстве и, по просьбе Джоунза, приписал: “Для Рика и Джуди Джоунз!” Общительный полицейский прямо-таки засыпал его вопросами о Вьетнаме, на которые Чейз старался отвечать как можно лаконичнее.

Пересев возле полицейского участка в свой “мустанг”, он поехал медленнее, чем раньше. Теперь былая злость сменилась безмерной усталостью.

В половине первого ночи он поставил машину перед домом миссис Филдинг, ощутив облегчение оттого, что свет в окнах не горел. Он отпер входную дверь так тихо, насколько позволял допотопный замок, успешно миновал почти все скрипучие ступеньки на лестнице и наконец прокрался в свое чердачное жилье – большую комнату, служившую одновременно кухней, спальней, гостиной, гардеробной и ванной. Он с облегчением запер за собой дверь. Ему, слава Богу, сегодня не пришлось разговаривать с миссис Филдинг, а посему он избежал необходимости лицезреть ее вечно расстегнутый до середины обвисшей и совершенно неаппетитной груди домашний халат, удивляясь при этом, почему в ее возрасте позволительно проявлять такую нескромность, пусть даже по небрежности.

Чейз разделся, вымыл лицо и руки, осмотрел ножевую рану на бедре, о которой не удосужился упомянуть в полиции. Рана оказалась неглубокой и с уже запекшейся кровью. Скорее походила на царапину. Он промыл ее, продезинфицировал спиртом, наложил сверху мертиолат. В комнате он закончил лечение, налив себе виски с двумя кубиками льда и плюхнувшись на кровать со стаканом этого чудодейственного средства в руке. Ежедневно он поглощал его в неимоверных количествах. Однако сегодня, из-за проклятого банкета, пришлось воздержаться. Когда Чейз напивался, он снова чувствовал себя человеком с чистой совестью. Да, только наедине с бутылкой хорошего виски.

Он как раз наливал в те же растаявшие кубики льда вторую порцию, когда раздался телефонный звонок.

Поселяясь в этой квартире, он пытался отказаться от телефона. Ему никто звонить не будет, а сам он не хочет ни с кем общаться. Однако миссис Филдинг ему не поверила и, предвидя ситуацию, когда ей придется бегать на чердак, чтобы подозвать к телефону своего постояльца, настояла на отводной трубке в его комнате, включив данное условие в договор.

Это случилось задолго до того, как она узнала, что Чейз герой. И даже до того, как он сам узнал об этом.

Несколько месяцев кряду телефон молчал, разве что сама домовладелица звонила ему снизу, дабы сообщить, что доставлена почта, или пригласить на обед. Однако после объявления из Белого дома, после всей шумихи по поводу медали, ему стали звонить по два-три раза в день, как правило, совершенно незнакомые люди. Одни осыпали его ненужными поздравлениями, другие просили об интервью для разных изданий, которые он никогда не читал. Обычно он всех отшивал. До сих пор никто не звонил ему среди ночи, но он все равно уже понял: с покоем, к которому он привык в доме за первые месяцы после демобилизации, покончено навсегда.

Сначала он не собирался подходить к телефону, смакуя виски и с нетерпением ожидая, когда он перестанет наконец дребезжать. Однако после шестнадцатого звонка решил, что звонящий куда терпеливее его, и снял трубку:

– Алло?

– Чейз?

– Да.

– Ты меня узнаешь?

– Нет, – сказал он, слыша незнакомый голос. Голос звучал устало и мог принадлежать какому угодно мужчине: от шестнадцати до шестидесяти лет, толстому или худому, высокому или низкому.

– Как нога, Чейз? – В голосе звучала издевка, хотя Чейз не понимал ее причины.

– Нормально, – ответил Чейз. – Даже, можно сказать, хорошо.

– А ты мастак драться.

Чейз промолчал, он буквально лишился дара речи, начав понимать, что это за звонок.

– Очень здорово орудуешь руками, – продолжал голос. – Тебя, наверное, в армии научили.

– Да, – выдавил Чейз.

– Думаю, тебя много чему научили в армии, так что ты можешь постоять за себя.

– Так это ты и есть? – спросил Чейз. Человек на том конце провода засмеялся, и усталость в его голосе тут же исчезла.

– Да, это я, – подтвердил он. – У меня вся шея в синяках, и к утру, похоже, останусь совсем без голоса. Не считая этого, я отделался столь же легким испугом, как и ты, Чейз.

С ясностью мысли, присущей ему в моменты опасности, Чейз вспомнил поединок с убийцей на траве у “шевроле” и попытался представить себе лицо того человека. Но и теперь, когда старался для себя, преуспел не больше, чем в полиции. Тогда он поинтересовался:

– Откуда ты узнал, что это я остановил тебя?

– Видел твое фото в газете, – признался человек. – Ты же герой войны. Твои фотографии последнее время повсюду. Разыскивая нож – ты как раз лежал на спине, – я узнал тебя и поскорее смылся.

– Кто ты? – спросил Чейз.

– Ты что же думаешь, я тебе скажу? – Голос звучал с явной издевкой.

Чейз совершенно забыл о своем виски. Тревожные звонки, проклятые тревожные звонки у него в мозгу дребезжали на полную громкость. Прямо как фанфары в день национального праздника. Чейз сказал:

– Чего ты хочешь?

Незнакомец молчал так долго, что Чейз уже собрался было переспросить. Внезапно, уже без насмешки в голосе, убийца произнес:

– Ты влез туда, куда не имел права влезать. Не представляешь, скольких трудов мне стоило правильно выбрать из этой компании юных прелюбодеев тех, кто более других заслуживал смерти. Я планировал свое возмездие неделями, Чейз, и тот молодой греховодник понес заслуженную кару. Осталась девица. К несчастью, ты появился прежде, чем я успел исполнить свой долг, и спас эту шлюху, которая не имеет никакого права на пощаду.

– Вы нездоровы, – сказал Чейз. Он понял абсурдность этих слов в тот самый миг, когда произнес их, но, похоже, убийца так ошарашил его, что ничего, кроме банальности, на ум не приходило.

– Я просто хотел сказать вам, мистер Чейз, что дело на этом не кончается, отнюдь нет. – Убийца то ли не расслышал слов Чейза, то ли притворился, будто не расслышал.

– Что все это значит?

– Я рассчитаюсь с тобой, Чейз, как только узнаю о тебе достаточно, чтобы определить, какой именно ты заслуживаешь кары. Потом, когда ты расплатишься, я рассчитаюсь со шлюхой – с той девчонкой.

– Рассчитаешься? – переспросил Чейз. Эвфеизм напомнил ему все подобные словесные ухищрения, к каким он привык во Вьетнаме. Он почувствовал себя гораздо старше, чем был на самом деле, и гораздо более усталым, чем минуту назад.

– Я убью тебя, Чейз. Покараю за все грехи, которые ты совершил, и за то, что ты влез туда, куда не имел права лезть. – Он немного помолчал. – Ты меня понял?

– Да, но...

– Я еще позвоню тебе, Чейз.

– Слушай, если... Человек повесил трубку.

Чейз тоже положил трубку на рычаг и откинулся на спинку кровати. Он ощутил, что руке его холодно и неудобно, взглянул и с удивлением увидел стакан виски. Он поднес его к губам и отхлебнул добрый глоток. Напиток слегка горчил.

Нужно решать, что делать.

Конечно, полицию заинтересует этот звонок – единственная ниточка, протянувшаяся к человеку, убившему Майкла Карнса. Они, вероятно, станут прослушивать линию, дабы засечь убийцу, если он позвонит еще раз, – тем более что он и сам сказал о таком намерении. Может быть, они даже поместят в комнате Чейза полицейского и уж наверняка приставят к нему шпика – как для его безопасности, так и в надежде поймать убийцу, который намерен убить вторую жертву. Но...

В последние несколько недель, после того как все узнали о его медали за доблесть, повседневные привычки Чейза пошли прахом. Он привык к полному одиночеству – только пара фраз с продавцами в магазинах и с миссис Филдинг, домовладелицей. По утрам он ездил в центр города: завтракал у Вулворта, покупал книжку в бумажной обложке, иногда и журнал – но только не газету – и все, что ему было необходимо; два раза в неделю посещал магазин, торгующий спиртным. Послеполуденные часы он просиживал в парке, глазея на девушек в коротких юбках, направляющихся перекусить в обеденный перерыв, потом ехал домой и проводил остаток дня в своей комнате. Долгими вечерами он читал и пил. Когда темнело и шрифт становился трудно различим, он включал маленький телевизор и смотрел старые фильмы, которые помнил почти наизусть. Около одиннадцати вечера он приканчивал свою дневную бутылку, иногда съедал легкий ужин и ложился спать.

Скромный образ жизни, ничего не скажешь, не об этом он когда-то мечтал, но вполне подходящий – надежный, легкий, свободный от сомнений и неопределенности, от необходимости делать выбор и принимать решения, которые могли привести к новому срыву. Потом, когда АП и ЮПИ растрезвонили о герое Вьетнама, отказавшемся лично явиться в Белый дом для церемонии награждения медалью за доблесть (хотя от самой медали он не отказывался, поскольку чувствовал, что тем самым создаст себе такую рекламу, какой попросту не вынесет), у него не стало для этой простой жизни ни времени, ни возможностей.

Он кое-как вынес шумиху, сантименты и восторги. Старался по возможности уклоняться от интервью, односложно разговаривал по телефону. Единственное, из-за чего ему пришлось покинуть комнату, был этот идиотский банкет – и он вытерпел его только благодаря сознанию, что, как только все кончится, он вернется на свой чердак, к устоявшейся жизни, лишенной событий, из которой его против воли вырвали.

Происшествие в аллее влюбленных нарушило его планы. Какой уж тут покой. Газеты снова раздуют шумиху. Он уже представлял себе передовицу с фотографиями. Снова пойдут звонки, поздравления, снова придется отшивать интервьюеров. Правда, потом, через неделю-другую, вся эта суматоха стихнет – и жизнь снова потечет как раньше, тихо и легко.

Он снова отхлебнул из стакана. На этот раз вкус виски показался ему лучше.

Однако его выдержка не беспредельна. Еще две недели газетных репортажей, телефонных звонков, деловых и брачных предложений – и скудные запасы его терпения иссякнут. А если в это время придется еще и делить комнату с полицейскими да ходить всюду чуть ли не под конвоем, он просто не сможет удержаться от срыва. Чейз уже чувствовал, как его понемногу захлестывает та самая смутная пустота, которую он так остро ощущал в госпитале, та же утрата цели, нежелание жить дальше. Он должен побороть эти упаднические настроения

любой ценой. Даже если для этого потребуется скрыть информацию от властей Нет, он не сообщит полиции о звонке.

Чейз допил виски, подошел к буфету и снова плеснул в стакан жидкости из темной бутылки?

В конце концов, вряд ли угрозы убийцы стоит воспринимать всерьез. Он конечно же сумасшедший – ни один нормальный человек не нападет на парочку в машине, и не располосует одного из них чуть ли не на части длинным мясницким ножом. Конечно, безумцы опасны, но они редко воплощают в жизнь свои маниакальные идеи. По крайней мере, Чейз так думал.

Он понимал, что скрывает от полицейских след, контакт, которым они могли бы успешно воспользоваться. Но полицейские ведь не дураки, они найдут этого типа и без помощи Чейза. У них есть отпечатки пальцев с дверцы “шевроле”, с ручки ножа, которым совершено убийство, они знают, что у убийцы горло в синяках и из-за этого сильный ларингит. А сообщение об анонимном звонке вряд ли так уж важно при их эффективных методах обнаружения и слежки.

Чейз прикончил виски – хорошо пошло, гладко.

Итак, решено.

Он в очередной раз наполнил стакан виски и отправился обратно в кровать. Скользнув под одеяло, уставился в невидящий глаз телевизора. Через несколько дней все станет на свои места. Он сможет вернуться к былым привычкам, будет спокойно жить на свою инвалидную пенсию и довольно существенное наследство, доставшееся от родителей. И незачем ему устраиваться на работу, общаться с кем-либо, принимать решения. Останется единственная потребность: поглощать достаточно виски, чтобы спать, несмотря на кошмары.

Он допил стакан. И заснул.

Глава 2

На следующее утро Чейз проснулся рано, разбуженный кошмаром: целая компания мертвецов пыталась говорить с ним. День был испорчен.

Ошибка его заключалась в том, что он пытался вести себя так, будто накануне ничего не произошло. Он встал, принял душ, побрился, оделся и спустился по лестнице – посмотреть, нет ли для него почты на столике в холле. Почты не было, зато миссис Филдинг услышала его шаги и тотчас выскочила из своей вечно темной гостиной, чтобы показать ему утренний выпуск “Пресс диспатч”. На первой полосе красовалась его фотография, на которой он стоял вполоборота к Луизе Элленби, выходящей из полицейской машины. Она явно плакала, крепко вцепившись в его руку, и вид имела куда более расстроенный, нежели на самом деле.

– Я так горжусь вами, – сказала миссис Филдинг, точно она его мать.

Собственно, по возрасту она вполне годилась ему в матери – ей перевалило за пятьдесят. Однако свои волосы, сильно тронутые сединой, она завивала в крутые локоны по моде времен ее молодости, никогда не забывала нарумянить мясистое лицо и накрасить губы, но, как ни странно, из-за этих косметических ухищрений выглядела лет на десять старше своих лет. В ней было двадцать или тридцать фунтов лишнего веса, и почти все – на бедрах.

– Уверяю вас, история вовсе не так увлекательна, как они пишут, – сказал ей Чейз.

– Откуда вы знаете? Вы же не читали.

– Да они всегда преувеличивают. Я точно знаю, потому что и в прошлый раз случилось именно так.

– О, вы слишком скромны, – проворковала миссис Филдинг. Сегодня на ней был синий с желтым халат и, как всегда, расстегнуты две верхние пуговицы. Виднелись не только бледные выпуклости ее грудей, но и краешек пожелтевшего лифчика.

Хотя Чейз был намного крупнее и моложе миссис Филдинг и к тому же втрое сильнее ее, она нагоняла на него страх, и, похоже, из-за того, что он не понимал, чего ей от него надо.

– Я уверена, теперь вам будут вдвое чаще предлагать работу, чем после первой статьи! – с энтузиазмом заявила она.

Миссис Филдинг гораздо сильнее хотела, чтобы Чейз нашел постоянное место работы, чем сам Чейз. Поначалу он думал, будто домовладелица боится, как бы безработный жилец не стал задерживать квартирную плату, но в конце концов понял, что она верит в его наследство и что озабоченность ее коренится глубже.

– Как я вам много раз говорила,. – тем временем продолжала она, – вы молоды, сильны и впереди у вас целая жизнь. Такому человеку, как вы, необходима работа, упорная работа, чтобы чего-то в жизни достичь. Не хочу сказать, что вы еще ничего не достигли. Но вот так слоняться без дела, без работы – это, поверьте, вам не на пользу. С тех пор, как приехали, вы похудели фунтов на пятнадцать.

Чейз не ответил.

Миссис Филдинг придвинулся к нему поближе и забрала у него из рук утреннюю газету. Она посмотрела на фотографию, украшающую первую полосу, и вздохнула.

– Мне пора, – сказал Чейз. Она подняла глаза от газеты:

– Я видела вашу машину.

Он промычал нечто нечленораздельное.

– О ней написано в газете. Правда, это мило с их стороны?

– Да.

– Они никогда ничего не делают для мальчиков, которые служат в армии и не устраивают протестов. Только и читаешь, что о буйных, но для хороших мальчиков вроде вас никто

и пальцем не шевельнет. Наконец-то до них дошло, и я надеюсь, машина вам доставит удовольствие.

– Да, – буркнул он, открывая входную дверь, и вышел на улицу прежде, чем она успела продолжить.

Кошмар, потом миссис Филдинг, а теперь еще и завтрак – одно другого хуже.

Обычно стойка у Вулворта – спокойное место, даже если все табуреты заняты. Бизнесмены, читающие финансовые газеты, секретарши, забежавшие выпить кофе и поболтать, чтобы окончательно проснуться, рабочие, глотающие наспех жирную яичницу с картошкой, которую им поленились приготовить жены, – никто из посетителей не хотел ни разговаривать, ни обращать на себя внимание. Вплотную придвинутые друг к другу табуреты, невообразимая теснота давали возможность нормально поесть только при том условии, если люди притворялись, будто не замечают друг друга. Однако во вторник утром Чейз, наполовину съев свой завтрак, обнаружил, что окружающие смотрят на него с почти нескрываемым интересом.

Когда он уселся, пикантная маленькая белокурая официантка сказала:

– Здравствуйте, мистер Чейз. Что будете есть?

Уже тогда ему следовало догадаться: все идет не так, как обычно, потому что никогда прежде он не был с ней на дружеской ноге и не говорил, как его фамилия. Вездесущая газета, растиражировав его изображение, добилась, что его узнавали всюду, где бы он ни появлялся.

Он оставил недоеденным завтрак, расплатился и вышел. Поджилки у него тряслись, он чувствовал себя так, будто вот-вот упадет.

Поразмыслив, Чейз направился к газетному киоску, чтобы купить себе книжку в бумажной обложке, но увидел такое количество собственных физиономий на полках с газетами, что тотчас торопливо ушел прочь.

В винном магазине продавец в первый раз за много месяцев высказался по поводу масштабов закупки: мол, по его мнению, такому человеку, как Чейз, не следует столько пить. Разве что виски предназначается для вечеринки, предположил он и спросил, не пригласил ли Чейз гостей. Чейз соврал, что пригласил. (Стремясь обратно, в пустынное уединение своей маленькой чердачной комнаты, он прошел два квартала по направлению к дому и вдруг вспомнил, что у него теперь есть машина. Чейз вернулся к ней, смущенный тем, что кто-то мог увидеть его замешательство, и когда уселся за руль, то почувствовал себя слишком взвинченным, чтобы вести машину. Он посидел минут пятнадцать, бесцельно просматривая технический паспорт, документы на владение и временные водительские права, потом завел мотор и поехал домой.

Чейз не пошел в парк, чтобы поглядеть на девушек в обеденный перерыв, потому что боялся быть узнанным. Если бы одна из них подошла к нему и попыталась затеять разговор, он не знал бы, что делать.

Возвратившись домой, он налил себе стакан виски, бросил туда два кубика льда и помешал содержимое пальцем. Затем включил телевизор. Показывали старый фильм с участием Уоллеса Бири и Мэри Дресслер. Чейз видел его по крайней мере раз пять, но все равно стал смотреть. Чувственный сюжет, знакомые до мельчайших подробностей сцены успокаивали нервы. Он с удовольствием наблюдал, как Уоллес Бири неуклюже-романтично ухаживает за Мэри Дресслер, и эта неуклюжесть, которую он столько раз уже видел, повторенная в тех же подробностях, бальзамом проливалась на его душу.

В пять минут двенадцатого зазвонил телефон.

Он неохотно взял трубку, решительно отказался от очередного интервью и дал отбой.

В одиннадцать двадцать пять телефон зазвонил снова.

Страховой агент, с которым Ассоциация торговцев подписала годовой полис на “мустанга” от имени Чейза, хотел узнать, достаточна ли сумма страховки и не хочет ли Чейз повысить ее до номинала. Он расстроился, когда Чейз сказал, что сумма вполне достаточна.

В одиннадцать пятьдесят раздался очередной телефонный звонок. Когда Чейз взял трубку, послышался голос убийцы:

– Алло, ну как провел утро?

– Чего тебе надо? – спросил Чейз.

– Видел газеты? – Он говорил хриплым, громким шепотом.

– Одну из них.

– Замечательная обертка для твоего героизма, поток слащавой прозы, а?

– Не люблю рекламы, – сказал Чейз, надеясь снискать благосклонность этого типа, хотя прекрасно понимал, что им следует поменяться ролями.

– Ну нет, это ты только пижонишь, а самому нравится.

– Чего тебе надо? – повторил Чейз.

– Сказать, чтобы в шесть вечера ты был у телефона. Я провел все утро, исследуя твою биографию, собираюсь заняться тем же самым и днем. В шесть я сообщу тебе о том, что нашел.

Чейз спросил:

– Для чего тебе это?

– Я же не могу вынести тебе приговор, пока не узнаю, какие преступления ты совершил. – Непрерывное сипение протестующих голосовых связок прозвучало почти весело. Чейз уже и раньше замечал эту интонацию. Убийца продолжал:

– Видишь ли, я не наугад выбрал греховодников, которых наказал на Канакауэе.

– Нет?

– Нет, прежде я исследовал ситуацию. – Человек хихикнул, в результате чего его поврежденная глотка спровоцировала приступ кашля, будто у заядлого курильщика.

Снова овладев своим голосом, он сказал:

– Я ездил туда каждый вечер в течение двух недель и переписывал номера машин, а потом сопоставил их.

– Зачем? – спросил Чейз.

– Да чтобы найти самых закоренелых греховодников, которые встречаются чаще других, – ответил незнакомец. – В нашем штате за два доллара в дорожной инспекции вам сообщат фамилию владельца, стоит только назвать номер машины. Вот так я и установил личность мальчишки, и мне уже ничего не стоило узнать имя его партнерши. Она, кстати, третья девица, с которой он встречается, и не одну ее он развлекал на Канакауэе, хотя она-то, поди, думала, что у него нет других подружек. У нее тоже были связи на стороне. Я дважды следил за ней, когда она выезжала с другими парнями, и один раз отдалась своему дружку.

– Откуда ты все это знаешь? – поинтересовался Чейз.

– Послушай-ка, – вспылил незнакомец, – никогда не спрашивай меня о моих методах. – От злости он снова закашлялся и, отдышавшись, продолжил:

– Они оба дрянь – что парень, что девка – и заслуживали именно той кары, какую я им назначил, если бы ты не спас ее.

Чейз молча ждал.

– Понимаешь, я должен изучить твою подноготную так же тщательно, как и у этих двоих. Иначе я никогда не буду уверен, заслужил ли ты смертный приговор, или я убил тебя из мести за то, что ты помешал осуществить мой план. Короче говоря, я не убиваю людей. Я казню тех, кто заслуживает казни.

– Я не хочу, чтобы ты сюда звонил, – сказал Чейз.

– Попробуй останови меня.

– Я поставлю жучки на линию.

– Это меня не остановит. – Голос незнакомца снова зазвучал весело. – Я стану звонить из разных будок в городе и говорить так кратко, что меня не выследят, – только и всего.

– А если я не буду подходить к телефону? – спросил Чейз.

– Будешь.

– Почему ты так уверен?

– Да просто ты захочешь знать, что я о тебе выяснил, и еще – когда именно я вынесу тебе приговор и когда ты умрешь. – Последние несколько слов прозвучали едва слышно, казалось, он больше не желает насиловать свой голос. – В шесть часов вечера, – напомнил он Чейзу и дал отбой.

Чейз бросил трубку, разозлившись из-за того, что убийца знает его гораздо лучше, чем он сам. Конечно же он подойдет к телефону в любое время. И по тем же самым причинам он отвечал на все назойливые звонки в течение последних недель, вместо того чтобы сменить номер. Вот только беда: он и сам толком не знает, каковы эти причины.

Решительно сняв трубку, Чейз набрал номер полицейского участка. В первый раз за десять с половиной месяцев он набрал номер, первым куда-то позвонил. Номер полиции, вместе с номерами пожарной команды и службы помощи утопающим, значился на карточке, приклеенной к основанию телефона, точно кто-то специально позаботился о том, чтобы ему легче было сделать этот шаг.

Ответил дежурный сержант, и Чейз, представившись, попросил подозвать Уоллеса. В тот миг он был не против воспользоваться своей славой для достижения цели.

– Да, мистер Чейз, чем могу помочь? – спросил Уоллес.

Чейз не сказал того, что намеревался, а вместо этого спросил:

– Как идет следствие?

Уоллес был не прочь поговорить о работе.

– Медленно, но верно, – сообщил он Чейзу. – Мы нашли отпечатки на его ноже и послали их копии в Вашингтон и в столицу штата.

Если его когда-либо арестовывали за серьезное преступление или он служил правительственным чиновником, мы установим его личность за двадцать четыре часа.

– А если у него никогда не снимали отпечатков?

Уоллес был преисполнен оптимизма:

– Все равно установим. Мы нашли в “шеви” его кольцо. Оно не принадлежало убитому парню, и вам, похоже, мало размера на три. Вы ведь не теряли кольца?

– Нет, – сказал Чейз.

– Я так и думал. Нужно было, конечно, позвонить вам и спросить, но я пребывал в уверенности, что оно не ваше. Так что это однозначно его кольцо.

– А что-нибудь еще, кроме кольца и отпечатков?

– Мы ведем – только это сугубо между нами – постоянную слежку за девушкой и ее родителями. Если он попытается убить ее, то попадется в нашу ловушку.

– А вы полагаете, может?

– Безусловно, ведь он наверняка подозревает, что она способна опознать его. Не забывайте: девушка отчетливо видела его лицо и ему невдомек, насколько плохо она тогда соображала.

– Да, пожалуй.

– Мне сейчас пришло в голову, что не мешало бы и к вам приставить “хвост”. Вы об этом не думали?

Чрезмерно встревожившись от такого предложения, Чейз поспешил отказаться:

– Нет-нет. Я не вижу в этом смысла.

– Вы же знаете, – сказал Уоллес, – история попала в утренние газеты. Он едва ли боится, что вы его опознаете, как девушка, но, наверное, здорово зол на вас.

– Значит, он сумасшедший.

– А кто же еще, мистер Чейз?

– Вы хотите сказать, что, допросив девушку, не узнали ничего о мотивах? Может быть, какие-нибудь бывшие любовники?

– Нет, – ответил Уоллес. – В данный момент мы исходим из предположения, что никаких объяснимых мотивов не было, мы имеем дело с психопатом.

– Понятно.

– Что ж, – сказал Уоллес, – мне жаль, но пока нет ничего более существенного.

– Извините за беспокойство, – произнес Чейз. – Вы, наверное, плохо спали.

– Совсем не спал, – признался Уоллес. Они попрощались, и Чейз повесил трубку, не сказав ему ни слова, хотя и собирался выложить все. За девушкой слежка ведется круглые сутки. И с ним будет то же самое, тем более если узнают, что убийца ему угрожает. Чейзу показалось, будто стены качаются, то сжимаясь, как челюсти огромной акулы, то распахиваясь, словно плоские серые ворота. Пол начал вздыматься волнами. Пространство стало зыбким – именно из-за таких ощущений он и попал в больницу и в конце концов получил свою семидесятипроцентную пенсию по инвалидности. Нельзя позволить недугу вновь сломить его, и лучший способ с ним бороться – ограничить пределы своего мира, обрести утешение в одиночестве. Он налил себе еще стакан виски.

Телефон разбудил его как раз в тот миг, когда мертвецы, окружив, стали тянуться к нему мягкими, белыми, истлевшими руками. Он резко сел в постели и вскрикнул, вытянув вперед руки, чтобы оградить себя от их холодных прикосновений. Окончательно проснувшись, он понял, где находится, убедился, что один, и снова в изнеможении упал на подушку. Телефон настойчиво трезвонил снова и снова, и после тридцати нестерпимо надоедливых звонков ему осталось только снять трубку.

– Да.

– А я уже хотела прийти, проверить, как вы, – озабоченно произнесла миссис Филдинг. – Все в порядке?

– Все отлично, – успокоил он. ; – Вы долго не отвечали.

– Я спал.

Она колебалась, как будто раздумывая, что сказать: о-. – У меня швейцарский бифштекс, грибы, печеная кукуруза и картофельное пюре на ужин. Не хотите поужинать со мной, все равно я столько не съем.

– Не думаю.

– Молодому человеку вроде вас нужно питаться регулярно, – назидательно заметила она.

– Я уже поел.

Она долго молчала, потом произнесла:

– Хорошо. Но жаль, что вы не хотите, а то у меня столько еды.

– Очень жаль, но я сыт, – сказал он. – Может быть, завтра вечером.

– Может быть... – начала она. Но Чейз повесил трубку, прежде чем миссис Филдинг предложила перекусить вместе сегодня попозже.

В его стакане таял лед, разбавляя недопитое виски. Он выплеснул бледного цвета напиток в раковину, бросил в стакан новые кубики льда и налил виски. Оно горчило, как лимонная корка, но Чейз все равно выпил. Ни в буфете, ни в холодильнике ничего съестного не было, кроме пакета яблок, а от них еще хуже.

Чейз снова включил маленький черно-белый телевизор и принялся медленно крутить ручку по всем местным каналам, но ничего не нашел, кроме программы новостей и мультфильмов. Он предпочел мультфильмы.

Скучища!.. Однако он досмотрел их до конца, а затем отыскал на одной из программ старый фильм и переключился на него. Чейз допил свое виски и попытался втиснуть пустую посудину на уставленную грязными стаканами полку, где совсем не оставалось места. Тогда он отнес стаканы в ванную, вымыл их горячей водой с мылом, вытер чистым полотенцем и убрал в буфет.

Если бы не обещанный телефонный звонок, у него впереди был бы целый свободный вечер. Ровно в шесть телефон зазвонил.

– Алло?

– Добрый вечер, Чейз, – сказал убийца. Голос его по-прежнему звучал ужасно хрипло. – Как поживаешь?

– Хорошо, – ответил Чейз, присаживаясь на кровать.

– Знаешь, что я делал весь день?

– Ну, наверное, занимался моей персоной?

– Совершенно верно.

– Так расскажи, что ты нашел, – заинтересовался Чейз, как будто ожидал услышать нечто новое, хотя речь и шла о нем самом. Впрочем, возможно, так оно и будет.

– Прежде всего, ты родился чуть больше двадцати четырех лет назад, 11 июня 1947 года, в Больнице милосердия. Твои родители погибли в автокатастрофе, когда тебе исполнилось восемнадцать. Ты учился в Государственном университете и прошел ускоренную трехгодичную программу, специализируясь на торговом управлении. Ты прекрасно успевал по всем предметам, кроме нескольких обязательных курсов – таких, как основы физических наук, биология первой и второй степени и химия. – Убийца шептал еще три долгие минуты, перечисляя малозначительные факты, которые, как считал Чейз, умрут вместе с ним. Да и, похоже, судебные отчеты, документы колледжа, газетные архивы и полдесятка прочих источников предоставили незнакомцу гораздо больше информации о его жизни, чем тот мог бы почерпнуть из недавних газетных статей.

– Я, кажется, говорю уже больше пяти минут, – забеспокоился убийца. – Пора перейти в другой автомат. Твой телефон прослушивается, Чейз?

– Нет.

– Все равно, я сейчас положу трубку и перезвоню через несколько минут. – Телефон отключился, зашипев в ухо Чейза, как змея.

Через несколько минут убийца позвонил снова:

– То, что я говорил тебе, это так, ерунда, сухое сено, Чейз. Но сейчас я кое-что добавлю и подумаю немного – подумаю, смогу ли бросить спичку в это сухое сено.

– Что-что? – переспросил Чейз.

– Во-первых, – сказал убийца, – ты унаследовал большую сумму денег, но почти ничего не потратил. Огреб тридцать тысяч после уплаты налогов – а живешь скудно.

– Откуда ты знаешь?

– Я сегодня потолкался возле твоего дома и узнал, что ты снимаешь меблированную комнату на третьем этаже. Увидев, как ты возвращаешься домой, я понял, что одеваешься ты не лучшим образом. У тебя и автомобиля не было, пока ты не получил за храбрость “мустанг”. Следовательно, большая часть наследства у тебя сохранилась, если принять во внимание, что пенсия по инвалидности покрывает все или почти все твои расходы.

– Послушай-ка, ты, перестань за мной шпионить, – с горячностью выпалил Чейз и вдруг осознал, что боится этого человека больше, чем всех мертвецов из своих кошмаров

вместе взятых, чувствуя себя выставочным экспонатом, помещенным в стеклянную клетку, на который пялятся все кому не лень.

Человек засмеялся:

– Не могу перестать. Должен же я оценить ваш моральный облик, мистер Чейз, прежде чем вынести приговор.

Чейз бросил трубку. То, что он проявил инициативу, изрядно подбодрило его. Когда телефон зазвонил опять, Чейз решил не подходить, и после тридцати звонков он смолк. Однако через десять минут телефонный звонок вновь разогнал тишину. Чейз снял трубку и сказал: “Алло”.

Убийца был разъярен, он напрягал охрипшую глотку до отказа:

– Если еще выкинешь такой номер, чертов сукин сын, ты об этом пожалеешь! Убийство не будет чистым, уж я постараюсь. Понял?

– Да, – сказал Чейз, чувствуя себя больным. Незнакомец тут же успокоился:

– Вот что еще, мистер Чейз. Меня очень интересует эта формулировочка “ранен в бою”. Что-то ты не похож на немощного инвалида, которому следует платить Пенсию. Я, будь уверен, почувствовал, на что ты способен, когда мы дрались. Это наводит меня на кое-какие мысли. Похоже, у тебя инвалидность не из-за физического увечья.

– А? – только и промолвил Чейз. Сердце его колотилось, во рту пересохло.

– Я думаю, у тебя психические проблемы, из-за которых ты и попал в госпиталь, а затем был демобилизован. – Он замолчал.

– Ты ошибаешься, – сказал Чейз.

– Может – да, может – нет. Мне понадобится еще немного времени, чтобы узнать все точно. Ладно, спи спокойно, мистер Чейз. Ты еще не приговорен к смерти.

– Подожди! – остановил его Чейз.

– Да?

– Я должен тебя как-то называть. Не могу же продолжать думать о тебе абстрактными категориями, вроде “тот тип”, “незнакомец” или “убийца”. Понимаешь?

– Да, – сказал тот.

– Так как же?

Его собеседник немного помолчал и сказал:

– Можешь называть меня Судья.

– Судья?

– Ну да. Как в формуле “судья, присяжные и палач”. Он засмеялся и тут же, закашлявшись, повесил трубку, точно телефонный хулиган.

Чейз достал из холодильника яблоко, отнес его на стол, положил на салфетку, затем сходил к посудному ящику за фруктовым ножом, очистил яблоко, разрезал на восемь долек и принялся усердно жевать. Ужин, конечно, не слишком плотный, но ничего, в стакане виски достаточно калорий, чтобы подкрепить его. Он налил себе порцию на десерт.

Потом вымыл руки, липкие от яблочного сока, выпил еще один стакан и уселся на кровати, невидящими глазами глядя в телевизор. Он пытался ни о чем не думать, кроме привычной повседневности: завтрак у Вулворта, легкое чтиво в бумажной обложке, покупка виски, старые фильмы по телевидению, двадцать девять тысяч на банковском счете, пенсия и привычная бутылка в день. Вот главное в жизни, остальное только сбивает с толку – вся эта морока, которой нет места в его мире.

Он снова не позвонил в полицию.

Глава 3

Кошмары замучили Чейза, и он спал урывками, просыпаясь в самый жуткий момент сновидения, когда снова и снова плотное кольцо мертвецов сжималось вокруг и они подвергали его молчаливой пытке, приближаясь и протягивая руки.

Встал он рано, оставив всякую надежду выспаться, привел себя в порядок, сел за стол и очистил яблоко на завтрак. Чейзу не хотелось идти к Вулворту, так как теперь он уже не был для посетителей очередной безымянной физиономией, а куда еще можно отправиться, чтобы его не узнали, он понятия не имел. Яблоко было, конечно, не совсем подходящей едой для начала дня, и он решил, что пойдет и съест второй завтрак, если вспомнит, в каком ресторане сможет рассчитывать хоть на какое-нибудь уединение.

А уже после завтрака он, естественно, сможет обойтись бутылкой виски “Джек Дэниеле”.

Было девять тридцать пять утра.

Слишком рано, чтобы начинать пить: если он прямо сейчас усидит бутылку, то попросту заболеет. Но чем заняться в эти долгие часы до полудня? Чейз включил телевизор, но старых фильмов не показывали, и он его выключил. Перечитал все книги и журналы, которые нашлись в комнате. Наконец принялся припоминать детали кошмара, который разбудил его, но, решив, что это ни к чему хорошему не приведет, снял телефонную трубку. Уже второй раз он набирает номер, неуклюже крутя непослушный диск.

После трех гудков ответила бойкая молодая женщина:

– Кабинет доктора Ковела. Говорит мисс Прингл, чем могу помочь?

– Мне нужно увидеть доктора, – сказал Чейз.

– Вы постоянный пациент?

– Да. Меня зовут Бен Чейз.

– О да! – воскликнула мисс Прингл, как будто она только и мечтала услышать его голос. – Доброе утро, мистер Чейз. – Она пошелестела страницами регистрационного журнала. – Вам назначено на пятницу, в три часа дня.

– Мне нужно попасть к доктору Ковелу раньше, – произнес Чейз. Когда ему только пришло в голову нанести этот внеочередной визит, он сомневался, стоит ли это делать. Теперь же казалось, не просто стоит, а совершенно необходимо. – Он мне очень нужен.

– Завтра утром у нас есть полчаса.

– Сегодня, – перебил Чейз.

– Простите?.. – От общения с ним мисс Прингл заметно слиняла.

– Мне нужно записаться на сегодня, – настойчиво повторил Чейз.

Мисс Прингл принялась рассказывать ему о большой нагрузке доктора, о долгих часах, которые он ежедневно просиживает над историями болезни новых пациентов. А ведь он должен к тому же читать новейшие публикации и писать собственные статьи для тех же престижных журналов. Не вызывало сомнения, что доктор кумир мисс Прингл, и Чейзу пришла в голову мысль, уж не спит ли она с ним. Он видел ее прежде много раз, но никогда не думал о чем-либо подобном. Чейз с грустью отметил, что это знак каких-то перемен, перемен в его жизни, над которыми он совершенно не властен. Но может быть, доктор сумеет с ними справиться. Когда она дошла до середины своей речи, вновь обретя ненатурально дружелюбную интонацию, он прервал ее и кратко, но решительно потребовал, чтобы она спросила у самого доктора.

Через несколько минут пристыженная мисс Прингл вернулась к телефону и сообщила: Чейз записан к доктору на четыре часа дня. Она явно была расстроена, что ради Чейза нарушен распорядок. К тому же она наверняка знала, что за него платит государство и что доктор

заработал бы больше, приняв какого-нибудь богатого психа. Однако, говоря о распорядке дня доктора, она забыла, что он всегда отводит время на внеплановые беседы с пациентами, болезни которых считал особенно интересными случаями.

Уж коли ты слегка не в себе – считай, повезло, если у тебя редкая разновидность безумия...

В половине двенадцатого, когда Чейз одевался, чтобы выйти поесть, снова позвонил Судья. Голос его звучал лучше, хотя еще не пришел в норму. Он спросил:

– Ну, как себя чувствуешь?

– Хорошо, – солгал Чейз.

– Жди звонка в шесть вечера, – предупредил Судья.

– Послушай...

– Ровно в шесть часов, мистер Чейз. Понял? – Он говорил уверенным, властным тоном человека, привыкшего, чтобы ему подчинялись. – Я должен обсудить с тобой несколько интересных моментов.

– Понятно, – сказал Чейз.

– Тогда желаю хорошо провести день. Они повесили трубки одновременно, причем Чейз швырнул свою на рычаг изо всех сил.

* * *

Комната на восьмом этаже здания Кейн в центре города ничем не напоминала кабинет психиатра, каким его обычно изображают в книгах и фильмах. И в первую очередь потому, что она не была маленькой и интимной и вовсе не вызывала ассоциации с материнской утробой – приятная, деловая, просторная комната, примерно тридцать на тридцать пять футов площадью, с высоким, затененным потолком. Вдоль двух стен от пола до потолка тянулись книжные полки; еще одну стену украшали умиротворяющие сельские пейзажи, а четвертая стена фактически представляла собой два больших окна, обрамленных белым пластиком. На книжных полках стояло всего несколько томов в роскошных переплетах, но зато около трехсот стеклянных собачек величиной не больше человеческой ладони. Доктор Ковел коллекционировал стеклянных собачек.

Как комната, с ее обшарпанным столом, мягкими креслами и исцарапанным журнальным столиком, казалась абсолютно не соответствующей своему назначению, так и доктор Ковел меньше всего на свете походил на психиатра. Чейз недоумевал, случайность это или умышленно выбранный имидж. Этот маленького роста, но довольно спортивного вида человек всегда выглядел растрепанным скорее по небрежности, нежели от желания выдержать стиль, казался небритым и носил измятый синий костюм со слишком длинными брюками. Его можно было принять за учителя (скажем, английского языка), за продавца в магазине (скорее, в провинциальной дешевой лавке) или за священника какой-нибудь эзотерической фундаменталистской христианской секты. Да за кого угодно, только не за врача. И уж тем более не за врача-психиатра.

– Садитесь, Бен, – пригласил Ковел. – Хотите выпить?

– Нет, спасибо, – ответил Чейз.

В комнате не было кушетки, на которую, согласно известной сцене из психоаналитического мифа, нужно было ложиться, и он уселся в свое любимое кресло.

Ковел расположился в другом кресле, справа от Чейза, откинулся на спинку, задрал ноги на журнальный столик и пригласил Чейза последовать его примеру. Когда оба удобно устроились, он сказал:

– Значит, без предварительной части?

– Сегодня да, – ответил Чейз.

– Ты напряжен, Бен.

– Да. – Чейз пытался сообразить, с чего начать, как лучше изложить свою историю.

– Расскажешь?

Сейчас Чейз ясно вспомнил первый звонок Судьи, но никак не мог себя заставить поведать обо всем Ковелу. Даже этот визит к врачу был признанием того, что земля уплывает у него из-под ног, и начни это объяснять, можно вообще все испортить.

– Не можешь?

– Нет.

– Поиграем в ассоциации?

Чейз кивнул, хотя страшился игры, к которой они часто прибегали, чтобы у него развязался язык. В ответах он всегда выдавал больше, чем ему хотелось. А Ковел играл не по правилам, называл слова быстро и напористо, сразу попадая в точку. И все-таки он сказал:

– Давайте. Ковел начал:

– Мать.

– Умерла.

– Отец.

– Умер.

Ковел поднял пальцы у него перед носом, как ребенок играющий в “кроватку”.

– Любовь.

– Женщина.

– Любовь.

– Женщина, – повторил Чейз. Ковел, не глядя на него – он не сводил глаз с синего стеклянного терьера на полке, – сказал:

– Не повторяйтесь, пожалуйста.

Когда Чейз извинился (в первый раз поняв, что Ковел ждет извинения, он удивился: не предполагал, что в отношениях между психиатром и пациентом должно присутствовать чувство вины; с каждым новым извинением на протяжении месяцев он все меньше удивлялся тому, что предлагает Ковел), доктор сказал:

– Любовь.

– Девушка.

– Это уловка.

– Все – уловки.

Казалось, это замечание удивило доктора, но не настолько, чтобы сбить его с жесткого курса, который он избрал. После недолгого молчания он повторил:

– Любовь.

Чейз вспотел, сам не понимая почему. Наконец он сказал:

– Я сам.

– Очень хорошо, – одобрил Ковел. Теперь обмен словами пошел быстрее, как будто за скорость набавлялись очки.

– Ненависть, – сказал он.

– Армия.

– Ненависть.

– Вьетнам.

– Ненависть! – Ковел повысил голос, почти закричал.

– Оружие.

– Ненависть!

– Захария, – выпалил Чейз, хотя не раз клялся не произносить этого имени, не вспоминать человека, носившего его, или событий, с которыми этот человек был связан.

– Ненависть, – произнес Ковел, на этот раз тише.

– Другое слово, пожалуйста.

– Ненависть! – настаивал врач.

Лейтенант Захария, лейтенант Захария, лейтенант Захария!

Доктор внезапно прекратил игру, хотя она на этот раз складывалась не так сложно, как обычно, и сказал:

– Вы помните, что именно этот лейтенант Захария приказал вам сделать, Бенжамин?

– Да, сэр.

– Что был за приказ?

– Мы отрезали два выхода в системе туннелей Конга, и лейтенант Захария приказал мне расчистить один из них.

– Как вы выполнили приказ?

– Бросил гранату, сэр. Потом, прежде, чем дым перед туннелем рассеялся, я пошел вперед, стреляя из автомата.

– А потом, Бенжамин?

– Потом мы спустились, сэр.

– Мы?

– Лейтенант Захария, сержант Кумз, рядовые Хэзли и Уэйд и еще кто-то, не помню.

– И вы.

– Да, и я.

– И что?

– В туннелях мы нашли четверых мертвых мужчин и еще останки людей у входа в комплекс. Лейтенант Захария приказал продвигаться осторожно. Через сто пятьдесят ярдов мы наткнулись на бамбуковую решетку, за которой находились крестьяне, в основном женщины.

– Сколько женщин, Бен?

– Наверное, двадцать.

– А дети?

Чейз откинулся на мягкую спинку кресла, втянув голову в плечи, будто желая спрятаться:

– Несколько.

– И что потом?

– Мы попытались открыть решетку, но женщины удерживали ее закрытой с помощью натянутых веревок. Им приказали уйти с дороги, но они не сдвинулись с места. Лейтенант Захария заподозрил, что это, возможно, ловушка, чтобы задержать нас, пока сзади не подоспеют солдаты Конга. Было темно. В туннеле стоял неописуемый смрад – зловонное сочетание запахов пота, мочи и гниющих овощей, причем такой густой, что казалось, его можно потрогать. Лейтенант Захария приказал нам открыть огонь и расчистить путь.

– И вы подчинились?

– Да. Все подчинились.

– А потом, когда туннель был очищен от вьетнамцев, вы попали в засаду, где и заслужили свою медаль за доблесть.

– Да, – подтвердил Чейз.

– Вы ползли через простреливаемое поле почти двести ярдов и тащили на себе раненого сержанта по фамилии Кумз. Получили два неопасных, но болезненных ранения в бедро и лодыжку правой ноги и все-таки продолжали ползти, пока не достигли укрытия. Оставив там Кумза в безопасности, зайдя с фланга противника благодаря тому, что ползли через открытое поле, вы уничтожили восемнадцать коммунистических солдат. Таким образом, своими действиями вы не только спасли сержанта Кумза, но и внесли большой вклад в дело

всего вашего подразделения. – Ковел всего лишь повторял слегка измененный текст грамоты, которую Чейз получил по почте от самого президента. Чейз промолчал.

– Вы понимаете, откуда взялся этот героизм, Бен?

– Мы уже говорили об этом. Он продиктован виной, потому что я хотел умереть, подсознательно желая быть убитым.

– Вы согласны с этим анализом или просто думаете, будто я придумал все это, чтобы принизить вашу медаль?

– Я согласен, ведь мне вовсе не нужна медаль.

– Теперь, – сказал Ковел, опуская пальцы, – продолжим наш анализ. Хотя вы надеялись, что вас застрелят, убьют в этой засаде, буквально искали смерти, произошло нечто противоположное. Вы стали национальным героем, и когда узнали, что лейтенант Захария представил вас к награде, у вас случился нервный срыв, в результате которого вы попали в больницу и были, с почетом демобилизованы. Этот срыв – тоже попытка наказать себя, раз уж вам не удалось подставить свое Тело под пули, но и она не удалась. Что же в итоге? Вы представлены к награде, с почетом демобилизованы и слишком сильны, чтобы не оправиться от болезни. Однако бремя вины так и не покинуло вас.

Он замолчал. Чейз тоже ничего не говорил.

Ковел продолжал:

– Возможно, вступая в схватку с преступником в парке Канакауэй, вы надеялись, что выпал еще один шанс оказаться раненным или убитым, подсознательно стремились к этому.

– Вы ошибаетесь, – возразил Чейз. – Ничего подобного. Я на тридцать футов тяжелее его и знал, что делаю. Этот тип – дилетант, и я не мог надеяться, что он причинит мне серьезный вред.

Ковел промолчал. Прошло несколько минут, пока Чейз не распознал сцену, которую они разыгрывали на прошлых сеансах. Когда он наконец извинился, Ковел улыбнулся ему:

– Видите ли, вы не психиатр, а потому не можете так ясно все понять. Вы не отрешены от ситуации, как я. – Он откашлялся и, снова устремив взгляд на голубого терьера, спросил:

– Когда уже столько переговорено, может быть, объясните, Бен, зачем вам понадобился дополнительный сеанс?

Теперь Чейз с легкостью рассказал все. Через десять минут он подробно изложил события прошедшего дня и почти слово в слово повторил диалоги с Судьей.

Выслушав Чейза, доктор спросил:

– Чего же вы хотите от меня?

– Хочу узнать, как с этим справиться, хочу совета. Когда он звонит, меня больше всего беспокоят не угрозы. Это... чувство отрешенности от всего, как тогда, в больнице.

– Новый срыв?

– Боюсь, что так.

– Мой вам совет – не обращать внимания, – сказал Ковел.

– Не могу.

– Вы должны, – настаивал врач.

– А если он серьезно? Если он и вправду собирается убить меня?

– Не может этого быть.

– Почему вы так уверены? – Чейз отчаянно потел. Рубашка прилипла к спине, под мышками расплылись темные круги.

Ковел улыбнулся голубому терьеру, перевел взгляд на гончую янтарного цвета; на лицо его, точно маска, наползло самодовольное выражение.

– Я так уверен, потому что Судьи в реальности не существует.

Поначалу Чейз не понял. Когда же до него дошел смысл этих слов, ему он не понравился.

– По-вашему, это галлюцинация? Но ведь об убийстве и о девушке написано в газетах.

– Ах, это, безусловно, произошло на самом деле, – согласился Ковел. – Но телефонные звонки – не что иное, как иллюзия.

– Не может быть.

Ковел пропустил его слова мимо ушей и продолжал:

– Я заметил, что вы уже некоторое время пытаетесь отделаться от патологического стремления к уединению, с каждой неделей все более спокойно смотрите на мир. Вы начинаете испытывать интерес к жизни, у вас просыпается жажда деятельности. Я прав?

– Не знаю, – ответил Чейз. На самом-то деле он знал: доктор прав – и это действовало ему на нервы.

– У вас, не исключено, даже возобновилось половое влечение, хотя, возможно, до этого еще не дошло. Это обратная реакция на комплекс вины. Считая себя еще не наказанным за случившееся в туннеле, вы не хотели вести нормальную жизнь, пока не почувствовали, что настрадались достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.